

ДЕРЕВЕНСКИЕ КАРТИНКИ

Миниатюры, эссе

Мэрка, хлеб и свобода

Каждое утро одна и та же история.

Внимательно смотрит на меня, машет хвостом, но подходить не торопится. Вдруг припадет на передние лапы и нетерпеливо, с душой, взвизгнет. На его черно-белой физиономии явственно борются два чувства: есть хочется – и не хочется садиться на цепь. Ой, как не хочется!..

Однако пора, ночь прошла, набегался. Я достаю из кармана кусок хлеба, а другой рукой поднимаю цепь с ошейником.

Надо видеть его в эти секунды! Носится в нескольких метрах от меня, горестно лает, бросает укоризненные взгляды. Но голод все же берет верх, и щенок приближается ко мне. Даю хлеб и тут же накидываю ошейник на крепнущую с каждой неделей холку.

Хлеб мгновенно проглочен, я беру миску и иду в избушку – приготовить что-нибудь поосновательней. Оглядываюсь, и мне становится совестно. Мэрка с цепи не рвется, он все понимает, но, Боже мой, сколько тоски и печали в его глазах!..

Кажется, еще древние римляне сказали: когда есть хлеб, нет свободы. И наоборот.

Увы, Мэрка, увы.

Последняя гулящая

Гулящими я зову деревенских коров. В самом деле гулящие. Как только проклюнется трава, так до самых заморозков гуляют сами по себе. Окрестная тайга, пойма Ваха, деревенская улица – где только коров не встретишь. И никаких пастухов при них. Могут прийти во двор на дойку, а могут не прийти – бегай тогда хозяйка, ищи сама, мобилизуй детей на поиски. А то ведь перегорит молоко в вымени, горьким станет.

Выхожу как-то сентябрьской ночью на крыльцо. Что такое? В тишине характерный звук подбираемой под корешок травы. Сообразил не сразу. Едва угадываемая темная масса за оградой медленно движется, дышит, щиплет остатки осеннего бурьяна... И то сказать, через неделю-другую поставят в стаю на долгие месяцы зимней тесноты и несвободы. Коровы, похоже, это чувствуют и напоследок не ходят с улицы даже ночью.

А одну, самую упорную, я видел уже по снегу. Возвращаюсь от колонки с двумя ведрами воды и опять, как тогда ночью, слышу странные звуки. На этот раз будто без охоты трясут деревцо с сухими листьями. Над первым снегом все слышно далеко и удивительно ясно. Оглядываюсь – и метрах в ста вижу буренку, объедающую спиленную, должно быть, еще летом и выброшенную за ограду разлапистую ветку.

Пошуршит скоробившимся бурым листом, поднимет жующую морду и медленно посмотрит вокруг. Все окрест белое, непривычное, нигде ни травинки, тревожно пахнет дымом из печек...

Нет, лучше уж в стайку, думает, должно быть, корова. Там сытнее и спокойней. И глубоко, всей утробой, вздыхает.

Живое

Двое суток мело, ветер сумасшедше метался вокруг дома, тяжело бился в стены, наносил островерхие, будто спины динозавров, сугробы.

В такие дни мир суживается до размеров комнаты, где только и возможна, кажется, жизнь. А за ее пределами – гибельный лёт снега, мутный хаос, вселенская стужа. Жалобно позвякивает печная задвижка, и раскачивается, скрипуче трется о бревенчатые стены избушки высокий шест с телеантенной.

Но все проходит. И вот – тихий день, низкое слепящее солнце, чистое небо, почти фиолетовое в зените и бирюзовое по горизонту. Мой безупречный флюгер – флаг над деревенской администрацией – вяло опал, ни малейшего шевеления... Навероятно!

Выхожу по накопившимся делам во двор. Гремя цепью, появляется из своей будки Мэрка, потягивается, далеко выставив передние лапы, и не по-собачьи громко, с подвывом зевает. Выглядит он вполне благополучно: двое суток спал, а выбирался из будки во время пурги лишь затем, чтобы полакать горячего.

Больше – никого. Тишина, ни одного живого существа. Непогода словно выморозила всех или замуровала под снегом. Даже молчаливых северных сорок не видно, хотя их раньше было вокруг порядком.

И вдруг такой знакомый незамысловатый голосишко! Я замираю, губы сами собой разъезжаются в улыбку. У дровяника прыгают несколько воробьев. Здесь снег вымело до земли и оголились сухие кустики трав с семенами. Они-то и привлекли воробьев. Воробьи суетятся, теребят былинки, бойко, сметливо поглядывают по сторонам.

Живы курилки, перенесли и мороз, и пургу, опять полны своего воробьиного оптимизма!..

Я стараюсь не двигаться, чтобы не спугнуть их, дать наклеваться семян. Но тут ныряющим лётom пронеслась синица, прозвенела что-то, и воробьи тотчас срываются за ней. Видно, есть где-то корм получше.

Стою, смотрю им вслед. Уже и морозец прихватывает уши, и Мэрка требовательно взлаивает, хочет есть. А я все стою и смотрю в ту сторону, куда исчезли воробьи.

Словно с друзьями расстался.

Пир в начале зимы

В стаи сороки собираются чрезвычайно редко. А если уж собрались – значит, что-то произошло. Например, в соседском дворе забили бычка.

Событию самое время. Уже морозно, уложенное в железную бочку и присыпанное снегом (чтобы не вымерзло) мясо будет без проблем храниться всю зиму. А негодную требуху, свернувшуюся черную кровь хозяева вывалили за ограду.

Радость великая не только для деревенских собак, но и для сорок. Похоже, они собрались со всей округи. Снег испятнан их пестрыми телами. Сороки деловито снуют, нахально выдергивают куски из-под носа у собак. Но те на них не в обиде – всем хватит. Хотя, конечно, для порядка поднимают измазанные кровью морды, рычат и делают вид, что хотят броситься. Сороки отлетают на метр, но секунду спустя опять принимаются за свое.

Пир продолжается день, а то и два. Все это время за бревенчатой стеной стайки перетапывается, тревожно взмывает корова. Она никак не может понять,

куда подевался ее бычок. Хотя могла бы уже привыкнуть – такое происходит каждый год...

Незамысловатый слепок нашей жизни. Одним радость, другим горе. То и другое по одному и тому же поводу.

Закаты

Удивительные закаты бывают зимой. Чистый нежный свет заполняет полнеба, переходы от розового к палевому, потом к изумрудному и светло-синему почти неуловимы. Впечатление глубины и неохватности простора над притихшей вечерней землей.

Скучными и ненужными в этот час кажутся и желтые огни деревни, и черные, резко обрисованные верхушки елей на шафранном фоне внизу заката, и сумеречно синий снег.

Смотрел бы и смотрел не отрываясь на чистый простор на западе, на сокровенный нежный свет зари. И молчал бы благодарно, затаив дыхание.

В такие минуты верится, что есть душа. И что она бессмертна.

Дрейфующий во льдах

Про себя я зову его «Фрамом». Взгляд каждый раз спотыкается о него, когда я смотрю с высокого берега Ваха вверх по течению. Вмерзшее в реку далекое суденышко, одинокое на ровном снежном просторе, чужое среди прибрежной тайги и редких следов «Буранов». Отсюда оно кажется странным, загадочным.

Сравнение с «Фрамом», конечно, неточное. Там – Северный Ледовитый океан, мужественный норвежец Нансен, корабль, специально построенный так, чтобы его не могли раздавить мощные льды. Здесь – заурядный работяга буксир, по небрежению или обстоятельствам оставленный зимовать посреди реки...

Все так. Но почему почти физически чувствуешь одиночество этого брошенного людьми суденышка, его упорное стремление к обжитому берегу? Тяга, чудится мне, такова, что полуметровый лед потрескивает под ее напором, вот-вот разойдется зигзагами похожих на молнии трещин.

Так, наверно, и «Фрам» стремился сквозь бесконечный ледяной простор и промороженную полярную ночь к людям, одинокий и неприкаянный среди пурги и выжидающе бродящих вокруг белых медведей.

Сделанное человеческими руками выглядит без человека сиротливо. Оно чуждо природе, великой и равнодушной. Это так ясно понимаешь, глядя с высокого берега на замерзший вдали кораблик...

Тревожные птицы

И раз, и другой замечаю на окне синичку. Стремительно появляется в углу рамы, беспокойно крутит головой, словно старается кого-то высмотреть через стекло. В ее маленьком быстром тельце, в цепко ухватившихся за крашеное дерево лапках мне чудится что-то тревожное, какая-то недобрая весть.

Ведь было же. В напряженном ожидании сидела едва ли не вся родня в городской нашей квартире, ждали у телефона, чем закончится тяжелая операция. И вдруг в стекло стал биться голубь. «То Артемова душа, – заплакала бабушка, – нет его больше!»

Слава Богу, отец в тот раз остался жив. Но то, что он был между жизнью и смертью, совершенно точно. Позже я сопоставил время. И может, отлетевшая душа превратилась в птицу, понеслась к своим, чтобы попрощаться. Кто знает, как оно бывает там, на грани...

Бросаю все дела и, проваливаясь по колено в свежавывавшем снегу, иду за деревню, на релейку. Не слишком послушными пальцами набираю мамин номер. Немного отпускает, когда слышу ее особенно дорогой сейчас голос. «А как у Лени?» У брата тоже все в порядке. Несколько секунд сижу неподвижно, будто после тяжелой, взявшей все силы работы.

– Пап, ты знаешь, синицы дергают из щелей вату, – встречает меня дома пришедший из школы Никита. – Мы с тобой конопатили окна, а они вытаскивают. Для гнезда, наверно.

Смущенно улыбаюсь. Вон, оказывается, в чем дело!.. Но я не расстраиваюсь, не досаую на птиц. Милые, да хоть всю вату из рам выдержайте! Я вам целую упаковку дам, сам к гнезду принесу!..

Лишь бы все хорошо было.

Минус пятьдесят

Такого в городе не услышишь. Там суетливо и шумно, а нужны тишина и сосредоточенность.

Мороз под пятьдесят. Тихо так, что слышен злой визг снега под чьими-то ногами на другом конце деревни. И то лишь изредка. В такую стужу люди сидят по домам, топят печки, а на улицу выходят при крайней необходимости.

Топим печку и мы. Дров уходит уйма, в очередной раз одеваюсь и иду в сарай к поленнице. На минуту задерживаюсь во дворе. Горизонт затянут мутной пеленой, которая бывает только в большие морозы. Ни Шаманской горы, ни леса на той стороне реки не видно. И полная, какая-то неестественная тишина. Такую, наверно, и зовут мертвой.

Впрочем, нет. Легкий шуршащий звук все же можно расслышать. Он где-то рядом, но откуда идет – не могу понять. Звук возникает и пропадает с периодичностью моего дыхания. Отлетит от лица облачко, и секунду спустя – тихий шорох, будто разом лопаются пузырьки в открытой бутылке с минералкой...

Да ведь это замерзает пар от дыхания! Почти сразу превращается в кристаллики льда, и те, невидимые, таинственно шуршат, трутся друг о друга...

Бывает же!

Тропинки

Февраль – кривые дорожки... Для малоснежной европейской зимы такое утверждение, быть может, и справедливо. В Сибири же все по-другому. Задуют февральские ветры, наметет на тропинки сугробы, а деревенский люд не очень-то старается их обходить, натаптывать новые дорожки. Так напрямик и двигает по старым следам, порой утопая в снегу по колено.

Эта бескомпромиссность показалась мне странной. И я решил поступать иначе. Как-то, встретив на пути наметенный за ночь сугроб, шагнул в сторону, собираясь благоразумно обойти...

Снег вытряхивать пришлось долго. И добро бы только из валенок, а то из карманов брюк и даже куртки. Ухнул, что называется, по пояс.

Что ж, всякий опыт имеет свою цену.

О зимней свободе передвижения

Сразу оговорюсь, речь о «безлошадных». Для владельца «Бурана» особой разницы нет, что начало зимы, что конец. Ему главное, чтобы снег был. А вот для пешехода...

Лучше всего в конце октября. Снега еще мало, и ходи себе где хочешь – хоть в лес иди, хоть по деревне углы спрямляй. В начале зимы, как летом. Даже свободней. Потому что болота подмерзают, можно ходить уже и по ним. Братъ, например, клюкву там, где она в обычное время недоступна. Делов-то – смахнул с кочки легкую порошу и выбирай темно-красные ягоды, твердые, как бусины.

Но катятся один за другим дни, недели, все подваливает и подваливает снега. Смотришь, уже и в лес без широких, надежно держащих лыж-подволоку не сунешься. И по деревне нужно ходить только по дороге или по редким натоптанным тропинкам. Можешь, конечно, двинуть напрямик, если имеется такое желание. Только получится себе дорожке – снега в валенки наберешь и запыхаешься, штурмуя снежную целину.

И уж совсем строгие времена наступают в феврале-марте. Свобода передвижения жестко ограничена, будто живешь по армейскому уставу. Мало того, что морозно, из дома лишней раз не выйдешь, что само по себе уже несвобода. Так еще ходить изволь только по дороге. Из-за сугробов до березы, что в двух метрах от дороги, не доберешься. О лесе или пойме Ваха говорить не приходится – недоступны. Там снега по пояс. Утонешь.

Одно и остается – ждать весну. А с ней свободу ходить, где душа просит.

Образ

Сосульки вдоль кромки крыши смахивают на клыки – прочные у основания и опасно заостренные на конце. Часть из них хищно загнута (когда росли, дул ветер), и это усиливает сходство.

«Оскал зимы», – думаю я. Но тут же ловлю себя на мысли: сосульки – признак весны, при чем здесь зима?.. Хромает образ.

Но верткий ум не хочет сдаваться. Признак весны – вода, а если она не течет, не капает, а замерзла – это признак зимы, ее оскал. «Как бы не так, – не соглашается трезвое благоразумие. – Снег, сугробы – вот зима. А сосульки – предвестие весны!..»

В конце концов приходим к компромиссу. Сосульки – оскал уходящей зимы.

А что, неплохо.

Утки

Не знаю, поймете ли меня, особенно если вы охотник. Но каждый раз, когда я вижу колыхающуюся, как бы переливающуюся в воздухе утиную стаю, в голову приходит одна и та же мысль.

Эти небольшие, суетливо бьющие крыльями птицы прилетели к нам, миновав огромные пространства. Едешь, скажем, из Москвы до наших мест в поезде – и ты устаешь, хотя не прилагаешь никаких усилий. А им, уткам, каждый метр их воздушного пути надо преодолевать. И расстояния, которые они покрывают, намного большие, чем от Москвы до наших мест. Орнитологи утверждают, что за время перелета птицы набивают костные мозоли. Не знаю, что болезненней – кровавые мозоли или костные.

И вот прилетели. Родные места встречают их не очень приветливо. Большинство рек подо льдом, и надо искать редкие оконца чистой воды. По крайней мере так было в этом году. А тут еще пронзительный ветер с севера, или вдруг пойдет снег, морозец прихватит. Человеку что, он в доме спрячется, печку затопит. Уткам же надо терпеливо мерзнуть, стойко пережидать, надеясь, что инстинкт не подвел, не сорвал раньше времени с теплых и богатых кормом болот где-нибудь в

дельте Нила. И хорошо еще, если запоздалая весна – единственное испытание. И если опустились утки на дальних озерах и малых реках, куда человеку добраться непросто...

Гулкие выстрелы рвут майские сумерки. В испуге затаилось все живое. Ладно бы, голодали семьи у охотников, упрекающими глазами смотрели бы жены, мол, давно не было в доме мяса. Так ведь нет. По крайней мере, у большинства из них. Просто тешат свой инстинкт – пещерный инстинкт убивать.

Выстрел – и падает трепещущее от боли тельце. Выстрел – и оказываются напрасными многокилометровые перелеты, холод и голод ранней весны, мозоли на крыльях...

Не понимаю.

Не хочу понимать.

Время

Неумолимость времени, как ни странно, особенно чувствуешь весной.

После недели тепла и солнца вдруг холодные дни с мокрым снегом и низким небом. Нелюдимо насупился лес вокруг деревни. Кажется, в такую пору весна останавливается и затаивается, будто зверек, пережидающий непогоду.

Но выходишь из дому и понимаешь, что все не так. Холодно, но со вчерашнего дня заметно прибавилось пепельного цвета побегов на рябине, зеленее стали пригорки, и в пронзительном ледяном воздухе все тянутся и тянутся на север утиные стаи.

Двойственное чувство охватывает тебя. Радуешься напору весны, которую ничем не остановить – ни холодом, ни снегом. Но и пугает такой напор – неотступный, цепкий, почти остервенелый.

Это не весна сама по себе. Это – время. Сейчас время расти, зеленеть, тянуться вверх. А с первыми сентябрьскими днями, быть может, раньше – время гибнуть.

И не остановить это движение. Ни даже задержать.

Время – одно из имен смерти.

А черемуха...

У Толстого в «Казаках» есть удивительное место. Его герой едет на Кавказ, и еще среди ровной степи ему вдруг открываются далекие заснеженные вершины. На что бы с той поры ни смотрел герой, о чем бы ни думал, он постоянно помнит: «А горы...»

Похожее ощущение было у меня, когда цвела черемуха. Пройдет ли человек по деревянному звучному тротуару у нашей избушки, проедет ли редкая машина – смотрю в окно и сразу же натыкаюсь взглядом на цветущее дерево.

«Черемуха!..» – радостно отзывается душа.

Выхожу на крыльцо и первое, что чувствую, это густой, тяжелый аромат.

«Черемуха!»

Вожусь у расправляющей нежные листья малины или готовлю грядки под огурцы – вдруг наплывает, подавляя все остальные запахи, мощная душистая волна.

«Черемуха!..»

Привыкнуть к ее запаху невозможно. Он плотным облаком обволакивает двор, огород, часть улицы. Кто только не слетается на этот запах – ровное гудение окружает крону в неброских белых соцветиях.

И всю неделю, пока цветет черемуха, меня не покидает ощущение праздника, почти что счастья.

Благодарение

Вот я и сам уже дед, а все вспоминаю свою бабушку Глафиру Матвеевну. Невысокая, грузная, она стоит на коленях перед образами и шепчет:

– Отче наш, Иже еси на небесех...

Позади наполненный бесконечными крестьянскими заботами день, подоена коза, закрыты в хлеву куры. Горит на столе керосиновая лампа, мы с братом (оба приехали на летние каникулы) устроились с книжками по краям стола, читаем.

Вслушиваюсь в полупонятные церковно-славянские слова молитвы и не могу взять в толк, за что бабушка благодарит Бога. День как день, скучноватый, обыденный. В Ямполе, где остались отец и мама, намного интересней – друзья, кино, купание в Днестре...

Бабушка шепчет молитву и крестится. Из-под потолка на нее смотрят непреклонные лица святых. В окладах из фольги дробится свет лампы...

Это я уже потом пойму, за что благодарение. Бабушка, потерявшая на войне мужа и пережившая много других горьких событий, благодарит Бога за самое простое. За то, что ничего плохого за день не случилось. Что жива-здоровая сама и не бодем мы, ее дети и внуки. Что не голодаем, не мерзнем, что есть крыша над головой...

Обычные вещи, которые не замечаешь, когда все хорошо. И которые становятся недостижимым счастьем, если случается беда.

Меньше меньшего...

Только вечером и можно рассмотреть этих мошек. Светясь полупрозрачными крылышками, они толкутся в пологих лучах солнца. Кажется, каждая окутана светящимся нимбом. Вдруг какая-нибудь из мошек резво подскочит вверх в переменчивом роящемся столбике. Потом опять провалится вниз. За ней другая, третья... И так – час или полтора, пока не станет прохладным солнце.

Что означает этот танец едва заметных существ? Для чего? Какая у него цель?..

Я где-то читал, роение мошек (на первый взгляд, бессмысленное) – это брачные игры. Оплодотворенные микроскопические личинки падают в траву. Чтобы через какое-то время стать новыми мошками. Всего на день или два – такой у них век.

Среди мыслей, которые возникают, когда видишь этот колеблющийся столбик, есть пронзительные. Как чувствуют мир эти крохотные существа, столь отличные от нас и пришедшие в него на такой короткий срок? Как воспринимают свет солнца, запахи травы, упругость воздуха? Время, наконец?..

Между ними и нами – бездна. Но есть и общее: дышим, двигаемся. Они по-своему, мы – по-своему, но любим...

Как все-таки странна Жизнь. И непостижима.

Мера

Долго не могу понять, чем так хорошо пахнет.

Запах тонкий, нежный, едва осязаемый. В огороде ничто так пахнуть не может, да и рано – зелень на грядках только-только пробилась. У черемухи в палисаднике запах другой, к тому же она уже отцвела. Дело сделано, идет молчаливое таинство, завязываются плоды, так что завлекательные ароматы черемухе уже ни к чему.

Как гончая, берущая верхним чутьем, иду на запах. Это непросто – он то есть, то пропадает. Впору рыскать из стороны в сторону, как настоящая гончая, ловить в воздухе нежной ток.

Сухой древесный запах избушки, горьковатый – черемухового ствола, пресно пахнет затененная редкая трава в палисаднике... О рябине-то я и забыл! Она притулилась в конце палисадника, именно сейчас и цветет. Но напоминать, как рябина пахнет, мне не надо. Мылом. И не туалетным, ароматизированным, а зловонным хозяйственным. Однако пахнуть вокруг больше нечему, и я на всякий случай тянусь носом к одному из пышных соцветий...

Лучше бы я этого не делал. И что может привлечь в этой вони букашек, самозабвенно копошащихся в бело-зеленоватых розетках?!

Но чем дальше отхожу от рябины, тем сноснее запах. Разбавленный воздухом, он в конце концов становится приятным, приобретает изысканную пикантность, тонкость...

Все-таки великое это дело – чувство меры. Только с ним и возможна гармония.

Терпение буксиров

С нашего огорода Вах как на ладони. Конец июня, но вода в реке еще прибывает, все ниже становится кромка противоположного берега. Заливные луга на той стороне вполне соответствуют своему названию – покрыты мелкой водой.

Но не на это обращаешь внимание прежде всего. Суда на реке – вот предмет интереса. Ловишь себя на мысли, что за зимние месяцы соскучился по их виду.

Большие, с двухэтажной рубкой теплоходы, толкающие перед собой тяжело груженные баржи со щебнем – кажется, вода вот-вот захлестнет низко сидящие борта. Теплоходы поменьше, гонящие вверх по течению одну, а то и две аппарельки, прилепившиеся к их бокам. Какой-нибудь чумазый буксир, натужно тянущий на длинном тросе посудину с жилым вагончиком и выдавшим виды бульдозером... Заказчикам не до шика, фрахтуют любые суда, лишь бы успеть по большой воде доставить на место грузы.

Смотришь, как появляется из-за поворота реки такой буксир, как томительно медленно, по-черепаши двигается в твою сторону. Ты уже половину грядки успел прополоть, а буксир все еще на подходе, никак не одолеет эти несколько сотен метров.

Невольно думаешь: а ведь впереди у него сотни не метров, а километров! Какое надо иметь терпение, чтобы одолеть этот путь, его выматывающие душу медлительность и однообразие!..

Не так ли и наша жизнь? Достигает цели тот, кто последователен и упорен. Кто способен преодолеть тоску и медлительность бытия.

Терпеливые буксиры на реке – метафора жизни.

Колыбель для шмеля

Подсолнухи в наших краях не вызревают. Если даже посадить их рассадой, зацветают только в августе. А что такое август? Почти осенний месяц. Частое ненастье, холодные дожди, а то и первые утренники, серебрящие толевые крыши саераев и стаек.

...Один из таких дней. Напористо дует сырой ветер, летят первые желтые листья с берез. Подсолнухи на этом безрадостном фоне – как маленькие солнца. Они впитали в себя частичку лета и упрямо не хотят расставаться с ней.

Подхожу к одному из подсолнухов. Тарелка повернута «спиной» к ветру, на ее изжелта-оранжевой середине шмель. Лакированные черные лапки, полосатое мохнатое туловище, хитиновая голова – всё в пыльце. Шмелям сейчас несладко. В буквальном и переносном смысле – из цветущих растений остался разве что тысячелистник. Так что подсолнухи пользуются повышенным вниманием шмелей.

Но этот почему-то не двигается. С неуклюжей хлопотливостью не ползает по бесчисленным, концентрическим кругам расположенным пестикам, не залезает в них хоботком. Пригрелся в уютном затишке, задремал. А подсолнух раскачивается под ветром и навевает, должно быть, смело сны о лете...

Счастливец

Сентябрьский солнечный день. Воздух на улице холодный, с предзимним льдистым привкусом. Горизонт далек и чисто выметен ветрами.

А в теплице почти лето. Убраны кусты помидоров, пахнет нагретой сухой землей. Рассеянный солнечный свет в небольшом замкнутом пространстве создает ощущение уюта.

Вдруг слышу кузнечика. Самого его не видно, где-то сидит в уголке теплицы, самозабвенно стрекочет, радуется жизни. Совсем не подозревает, что это один из последних погожих дней. Дальше – дожди, холод, гибель...

Может, это и есть счастье – не знать, что тебя ждет?

Десант в лето

День в сентябре. Холодно и ветрено. Большое солнце изредка мелькает среди быстрых облаков. Безднадежностью веет от почерневшей крапивы у забора, от огуречных плетей, недавно еще всю зеленых, буйно расплывшихся во все стороны с грядки, а сегодня – побледневших, почти желтых...

Что ж, осень. Северная, ранняя. Тоскливо вскрикнет речная чайка халей, планируя над знобкой, рябой от ветра водой. Воздух острый, предзимний.

И вдруг замечаю пушинки, бойко летящие по ветру. Откуда, почему?.. Для одуванчиков поздно, их парашютики разлетелись еще в июле. Да и форма другая, эти пушинки мельче, какие-то мятые, неаккуратные.

Выхожу к обрыву над Вахом, и все становится ясно. Иван-чай, который радовал своим густым лиловым цветом пол-года, сейчас белесо опушен вызревшими семенами. На глинистых осыпях у реки его целые заросли, и ветер поднимает вверх тучи светлых пушинок.

Смотрю на их бойкий лёт, и на душе становится теплее. Да, безотраднa осень, да, впереди полгода снегов и стужи. Но эти разлетающиеся пушинки, другие травы, молча роняющие свои семена, – обещание того, что опять все вокруг зазеленеет и зацветет. Что опять будут весна и лето, солнце и молодая радость...

В конце концов, не так уж плохо все в этом мире устроено.

Не так уж и плохо.